

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).
Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 811.161.1'42+811.111'42+81'38+81'27
ББК Ш143.21-51+Ш141.12-51+Ш105.551.5+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.51

Код ВАК 5.9.8

Екатерина Андреевна Гейн

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, ea-ifl@uspu.ru, SPIN-код: 1033-1603, <https://orcid.org/0009-0004-4767-6160>

Прецедентные ойконимы как метафоры в военном нарративе англоязычных и русскоязычных СМИ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается функционирование прецедентных ойконимов (Газа, Буча, Сталинград, Алеппо, Хиросима, Чернобыль, Беслан) как метафор в военном нарративе в русскоязычном и англоязычном медиадискурсе. Актуальность исследования обусловлена активным использованием прецедентных феноменов в современных СМИ для интерпретации военных конфликтов, а также недостаточной изученностью механизмов метафоризации ойконимов в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы. Цель исследования — выявление и описание особенностей функционирования прецедентных ойконимов как метафор в военных нарративах. В качестве материала исследования использованы контексты из русскоязычных (ТАСС, Repost, Интерфакс, «Царьград», RT на русском, DNR-PRAVDA.ru, «Газета.ru»), Первый Севастопольский, «Капитал Страны», RTVI, URA.ru, «Экология России», «Новые Известия», News.ru, «ФедералПресс», Информационное агентство «Хакасия») и англоязычных («Reuters», «The Guardian», «UN News», «The iNews», BBC, «Foreign Policy», «Time», «CounterPunch», «The Financial Times», «Politico», «The New York Times», «Economist», «The Telegraph», «The Sun», «The Express», «The Mirror», «The Economic Times», «Forbes», «The Daily Star») СМИ за период 2004–2026 гг., отобранные методом сплошной выборки (всего 75 контекстов, содержащих метафоры войны). В основу методологии исследования легла когнитивно-дискурсивная парадигма. В статье выявлены семантические признаки, лежащие в основе метафоризации рассматриваемых ойконимов, а также установлены их функциональные роли (прогностическая, манипулятивная, легитимирующая, делегитимирующая, критико-идеологическая). На основе сравнительного анализа показаны различия в интерпретации прецедентных феноменов в зависимости от национального медиадискурса, что подтверждает тезис о лингвокультурной специфике прецедентных ойконимов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические тексты, журналистика, медиадискурс, медиатексты, русскоязычные СМИ, англоязычные СМИ, средства массовой информации, языковые средства, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, политические метафоры, прецедентные имена, прецедентные ойконимы, прецедентные метафоры, метафора войны, концептуальные метафоры, язык СМИ, военный нарратив, метафорические модели, прецедентные астионимы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Гейн Екатерина Андреевна, старший преподаватель кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка, аспирант кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия, email: ea-ifl@uspu.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гейн, Е. А. Прецедентные ойконимы как метафоры в военном нарративе англоязычных и русскоязычных СМИ / Е. А. Гейн. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 132-139.

Ekaterina A. Gein

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, ea-ifl@uspu.ru, SPIN code: 1033-1603, <https://orcid.org/0009-0004-4767-6160>

Precedent Oikonyms as Metaphors in the Military Narrative of English- and Russian-Language Mass Media

ABSTRACT. The article studies the functioning of precedent oikonyms (Gaza, Bucha, Stalingrad, Aleppo, Hiroshima, Chernobyl, and Beslan) as metaphors in the military narrative in Russian- and English-language media discourse. The relevance of the research can be explained by the active use of precedent phenomena in modern media in the interpretation of military conflicts, as well as to insufficient knowledge of the mechanisms of oikonymic metaphorization within the framework of the cognitive-discursive paradigm. The aim of the study is to identify and describe the specific features of the functioning of precedent oikonyms as metaphors in the military narrative. The practical research material incorporates contexts from Russian-language media (TASS, Repost, Interfax, Tsargrad, RT in Russian, DNR-PRAVDA.ru, Gazeta.ru, Perviy Sevastopolskiy, Kapital Strany, RTVI, URA.ru, Ekologia Rossii, the Novyje Izvestia, News.ru, FederalPress, Information agency Khakasia) and English-language media (Reuters, the Guardian, UN News, the iNews, BBC, Foreign Policy, Time, CounterPunch, the Financial Times, Politico, the New York Times, the Economist, the Telegraph, the Sun, the Express, the Mirror, the Economic Times, Forbes, the Daily Star) for the period 2004-2026, selected by the continuous sampling method (total 75 contexts containing metaphors of war). The research methodology is based on the cognitive-discursive paradigm. The article has revealed the semantic features underlying the process of metaphorization of the oikonyms in question and their functional roles (predictive, manipulative, legitimizing, delegitimizing, and critical-ideological). Based on a compara-

tive analysis, the study highlights differences in the interpretation of precedent phenomena depending on the national media discourse, which confirms the thesis about the linguocultural nature of precedent oikonyms.

KEYWORDS: political discourse, political texts, journalism, media discourse, media texts, Russian-language mass media, English-language mass media, mass media, language means, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, political metaphors, precedent names, precedent oikonyms, precedent metaphors, military metaphor, conceptual metaphors, mass media language, military narrative, precedent astyonyms.

AUTHOR'S INFORMATION: Gein Ekaterina Andreevna, Senior Lecturer of Department of English Philology and Methods of Teaching English; Post-Graduate Student of Department of Intercultural Relations, Rhetoric, and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Gein E. A. (2026). Precedent Oikonyms as Metaphors in the Military Narrative of English- and Russian-Language Mass Media. In *Political Linguistics*. No 2 (116), pp. 132-139. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Современный медиадискурс представляет собой сложное коммуникативное пространство, в котором используются различные языковые средства, формирующие общественное восприятие военных событий. В условиях, когда средства массовой информации выступают не только каналом передачи сведений, но и инструментом формирования общественного мнения, особую значимость приобретают те языковые единицы, которые способны нести идеологический заряд. К числу таких единиц относятся прецедентные имена — феномены, хорошо известные представителям лингвокультурного сообщества, регулярно воспроизводимые в речи и обладающие богатым ассоциативным потенциалом. Среди прецедентных имен выделяются ойконимы — названия городов и населенных пунктов, которые в процессе медийного употребления способны утрачивать свою первичную номинативную функцию и превращаться в символы определенных исторических событий. Ойконимы *Сталинград*, *Чернобыль*, *Хиросима*, *Беслан* закрепились в коллективной памяти как маркеры трагических страниц истории, что создает предпосылки для их метафорического использования при описании новых конфликтов. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в последние десятилетия медиадискурс не теряет своей роли в формировании восприятия военных конфликтов, при этом метафоризация данных событий с помощью прецедентных ойконимов остается недостаточно изученной.

ПОНЯТИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ

Понятие прецедентного текста впервые было описано Ю. Н. Карауловым в 1987 г. В своей монографии «Русский язык и языковая личность» он назвал их «готовыми интеллектуально-эмоциональными блоками» [Караулов 2010: 220], которые хорошо из-

вестны членам лингвокультурного сообщества, обладают значительным ассоциативным потенциалом и регулярно воспроизводятся в речи. Дальнейшее развитие данная теория получила в работах Д. В. Багаевой, И. В. Захаренко [Багаева, Гудков, Захаренко, Красных 1997], Д. Б. Гудкова [Гудков 2003], В. В. Красных [Красных 2003], Г. Г. Слышкина¹ и др.

Так, Д. В. Багаева, И. В. Захаренко, Д. Б. Гудков и В. В. Красных показали, как прецедентные имена и высказывания взаимосвязаны: имя может актуализировать целое прецедентное высказывание или ситуацию [Багаева, Гудков, Захаренко, Красных 1997: 89]. Позднее Д. Б. Гудков, расширив понятие «прецедентных текстов» до «прецедентных феноменов», подтвердил, что они являются основными компонентами общего для всего лингвокультурного сообщества ядра знаний и представлений [Гудков 2003: 101]. В. В. Красных подчеркнула, что прецедентные феномены в целом относятся к национально-когнитивной базе, так как они хорошо известны любому «среднему» представителю национально-лингвокультурного сообщества [Красных 2003: 170]. Также она выделила прецедентное имя как вид прецедентного феномена, определив его как «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом (например, Печорин, Теркин), или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусанин, Стаханов)» [Там же: 172].

Прецедентные имена, в свою очередь, как отмечает Е. А. Нахимова, включают традиционные для ономастики ряды: антропонимы, топонимы, зоонимы, мифонимы, фитонимы и т. д. [Нахимова 2011: 83]. Такие имена активно формируют интертекстуальные связи и идеологические смыслы. Соответственно, прецедентные ойконимы (названия населенных пунктов) также обладают высокой семантической емкостью.

В медиадискурсе ойконим выходит за пределы номинативной функции, рассмат-

¹ Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: автореф. ... дис. д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 40 с.

риваемой ономастикой, и приобретает символическое значение. В результате исторических событий (войн, катастроф, революций) отдельные ойконимы начинают ассоциироваться с определенными сценариями (*Сталинград* — решающая битва, *Чернобыль* — техногенная катастрофа). Происходит семантическая деривация ойконима, когда географическое название превращается в культурный символ и метафоризируется.

В основе анализа метафоризации имени лежит концепция когнитивной метафоры, разработанная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в 1980 г. В их фундаментальной работе «Метафоры, которыми мы живем» метафора определяется как механизм, при котором «понимание и переживание сущности одного вида осуществляется в терминах сущности другого вида» [Лакофф, Джонсон 2004: 25]. Иными словами, метафора представляет собой не просто риторический прием, а базовый способ концептуализации действительности, позволяющий структурировать абстрактные или сложные явления через конкретный опыт.

Такое понимание обуславливает расширение статуса метафоры за пределы собственно языковой системы: поскольку сама понятийная система человека носит метафорический характер, метафора выступает как результат взаимодействия языка, мышления и культуры [Будаев 2007: 21]. Это означает, что метафоризация имени, в частности, не только отражает уже существующие когнитивные модели, но и участвует в их формировании, закрепляя определенные способы интерпретации реальности.

Дальнейшее развитие этой идеи представлено в когнитивной теории метафоры Эрла Маккормака, который показывает, что метафора является результатом активного познавательного процесса, основанного на сопоставлении, на первый взгляд, несопоставимых концептов [Маккормак 1990: 363]. В этом контексте метафоризация имени может рассматриваться как механизм генерации нового знания: перенос имени из одного семантического поля в другое активизирует скрытые ассоциативные связи и способствует формированию новых смыслов. Таким образом, анализ метафоризации имени позволяет выявить не только языковые особенности, но и глубинные когнитивные процессы, лежащие в основе осмысления действительности.

Когнитивный механизм, лежащий в основе процесса метафоризации, может быть объяснен с позиций концептуальной интеграции, разработанной Жилем Фоконье и Марком Тернером: человек осмысляет окру-

жающую действительность, постоянно смешивая информацию из различных сфер знания и опыта [Fauconnier, Turner 2002: 40]. То есть метафора выступает не только как средство выразительности, но и как инструмент когнитивного конструирования социальной реальности.

Возникая в медиадискурсе, метафора устанавливает связи между событиями, что способствует распространению определенной интерпретации и оценки, подразумеваемой автором [Заботкина, Коннова 2022: 369]. Сам медиадискурс при этом, вслед за Т. Г. Добросклонской, понимается нами как «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [Добросклонская 2006: 21]. В рамках такого взаимодействия, как отмечает Т. ван Дейк, представители влиятельных групп получают возможность через средства массовой информации (СМИ) воздействовать на мнение и систему ценностей широких аудиторий [Dijk 2015: 472].

В этом контексте метафора выступает не только как средство описания, но и как инструмент когнитивного и идеологического воздействия: связывая разнородные события в единую интерпретационную модель, она направляет восприятие аудитории и задает рамки понимания происходящего. А. П. Чудинов также отмечает, что метафора позволяет человеку не только познать мир вокруг, но и преобразовать языковую картину мира адресата в процессе коммуникации [Чудинов 2006: 122], что особенно значимо для медиадискурса, где борьба интерпретаций приобретает системный характер.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью данного исследования является выявление специфики функционирования прецедентных ойконимов как метафор войны в англоязычном и русскоязычном медиадискурсе.

Материалом исследования послужили публикации русскоязычных (ТАСС, Репост, Интерфакс, «Царьград», RT на русском, DNR-PRAVDA.ru, «Газета.ru», Первый Севастопольский, «Капитал Страны», RTVI, URA.ru, «Экология России», News.ru, «ФедералПресс», Информационное агентство «Хакасия») и англоязычных («Reuters», «Guardian», «UN News», iNews, BBC, «Foreign Policy», «Time», «CounterPunch», «Financial Times», «Politico», «New York Times», «Economist», «Telegraph», «Sun», «Express», «Mirror», Economic Times, Forbes, Daily Star) средств массовой информации (всего 75 кон-

текстов, содержащих метафору войны), собранные за период с 2004 по 2026 год.

Методология данного исследования основана на когнитивно-дискурсивной парадигме [Кубрякова 2004]. При анализе контекстов, содержащих прецедентные ойконимы как метафоры войны, применялась методика функционального анализа прецедентных имен, описанная в классификации методик исследования прецедентных имен Э. В. Будаева [Будаев 2021: 23].

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ОЙКОНИМОВ В ВОЕННОМ НАРРАТИВЕ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ И РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Анализ новостных текстов русскоязычных и англоязычных СМИ показывает, что прецедентные ойконимы активно используются как средство метафорического моделирования военных сценариев. В медиадискурсе данные ойконимы утрачивают свою первичную номинативную функцию и приобретают статус когнитивных маркеров типовых ситуаций войны, позволяя сжато репрезентировать сложные политические и гуманитарные процессы. Рассмотрим основные группы ойконимов и их функции.

Ойконим «Газа» как метафора гуманитарной катастрофы

В анализируемых русскоязычных новостных текстах ойконим *Газа* функционирует как устойчивая метафора разрушенного населенного пункта, связанного с массовыми жертвами и гуманитарным кризисом. В ряде публикаций (Новости ООН, ТАСС, Интерфакс) используется конструкция: «*Ливан не должен стать новой Газой*» (Интерфакс. 22.06.2024). Данная формула демонстрирует типичную модель метафоризации «X — это новая Y», где Y (Газа) выступает в роли сценарного эталона. Семантическими признаками данной метафоры являются: тотальное разрушение инфраструктуры («*Многие из этих городов, деревень и пригородов превратились в руины*» — Интерфакс, «Боррель призвал к выполнению резолюции Совбеза ООН 2006 года по Ливану», 26.09.2024), массовые жертвы среди мирного населения («*Кроме того, Макрон прокомментировал операцию Израиля на юге Ливана, сказав, что „ливанский народ не может быть принесен в жертву и Ливан не может стать новым сектором Газа“*» — Repost, «Макрон: Ливан не должен стать **новым сектором Газа**», 06.10.2024); постоянная угроза бомбардировок («*...агентству пришлось приостановить некоторые операции в Ливане и превратить школы в убежища для беженцев из южных районов*» —

ТАСС, «Глава БАПОР: Ливан может стать **новым сектором Газа** в случае войны с Израилем», 25.09.2024).

В метафорическом значении ойконим «Газа» реализует прогностическую функцию (негативный сценарий), выступает универсальной моделью катастрофического сценария современной войны («*„Одно влияет на другое. Но в то же время мы должны сделать все, чтобы избежать того, чтобы южный Ливан стал **новой Газой**. А он становится **новой Газой**“*, — констатировал глава дипломатии ЕС» — Интерфакс, 26.09.2024).

В англоязычных СМИ ойконим *Gaza* является универсальной метафорой гуманитарной катастрофы и разрушенного города. Семантическими признаками метафоры выступают: разрушение инфраструктуры («*To the residents of the West Bank, the war in Gaza was a warning. As they watched bombs destroy 88% of the Gaza Strip over the last two years, they realised there was no limit to what Israel would do to crush Palestinian militants. Now the war in Gaza is drawing down, Palestinians fear Israel will turn its focus on the West Bank*» — Guardian, «West Bank resistance dies amid fears of becoming Israel's '**next Gaza**'», 24.10.2025); массовые жертвы («*Nearly 500 people were killed by Israeli forces in Lebanon on Monday, including many children*» — Guardian, «Netanyahu's lethal bombs will turn Lebanon into **another Gaza**. He must be brought down now», 24.09.2024), гуманитарный кризис («*Long queues at petrol stations and bakeries. Long lines of cars trying to escape the capital. And long, frightening nights*» — BBC, «'Don't let beautiful Tehran **become Gaza**': Iranians tell of shock and confusion», 17.06.2025).

Помимо обозначенной выше модели «X — это новая Y», в англоязычных медиа встречается также словообразовательная модель — суффиксация, *Gazafication*: «*Child deaths surge amid '**Gazafication**' of West Bank, report says. Palestinians facing mass displacements, airstrikes and rise in attacks on children and other civilians, rights group says*» (Guardian. 10.03.2025). Суффикс *-ification*, образующий существительные со значением «процесс придания определенного качества/состояния», подчеркивает факт намеренного создания на территории определенной ситуации, характеризующейся тотальным разрушением, гуманитарным кризисом и массовыми жертвами. Использование данной словообразовательной модели позволяет представить происходящее не как стихийное бедствие или неизбежное следствие военных действий, а как целенаправленный процесс, осуществляемый субъектом, наделенным властью и ответственностью. В связи с этим в

англоязычном медиадискурсе наблюдается не только метафорическое расширение значения ойконима *Gaza*, но и его грамматикализация, проявляющаяся в способности имени собственного становиться производящей основой для новых лексических единиц, что свидетельствует о высокой степени прецедентности данного ойконима и его закреплённости в когнитивной базе носителей языка.

Таким образом, в англоязычном дискурсе метафора *Gaza* не только выполняет прогностическую функцию, где автор текста предупреждает аудиторию о возможном развитии событий по катастрофическому сценарию, но и манипулятивную функцию, направленную на формирование у аудитории определенного эмоционального и оценочного (критического) отношения к описываемым событиям.

Ойконим «Буча» как метафора военных преступлений

В русскоязычном медиадискурсе ойконим «Буча» используется преимущественно в рамках политически маркированной интерпретации событий. В статье «Замерзшие насмерть дети и старики. Режим Зеленского готовит **новую Бучу**» (Капитал Страны. 10.01.2026) встречаются следующие слова: «Военный эксперт Юрий Подоляка предупредил о том, что киевский режим готовит новую провокацию, напоминающую трагедию в Буче». Буча здесь является обозначением сфабрикованного «преступления» военного времени.

В отличие от русскоязычного дискурса, в англоязычных СМИ Буча связывается с массовыми убийствами («*We cannot know for sure, because about 1,000 civilians were killed in airstrikes, artillery shelling and bombings,*» *said Marchenko* — Guardian, «‘Very similar’: fears gateway city to Donbas will become **another Bucha**», 18.04.2022). В данном примере наблюдается дискурсивная переоценка прецедентного ойконима.

Если в британском медиадискурсе метафора Буча используется как символ массовых убийств и военных преступлений и несет манипулятивную функцию (через апелляцию к эмоционально-травматическому опыту аудитории) и легитимирующую функцию (оправдание дальнейших политических и военных шагов), то в российском медиадискурсе Буча — это сфабрикованное или провокационное массовое преступление, используемое как инструмент информационной войны. В отличие от западного дискурса, здесь метафора лишена эмпатии и служит делегитимации обвинений (разоблачению «информационных атак»).

В этом случае ойконим выполняет не только когнитивную, но и идеологическую

функцию, отражая специфику национального медиадискурса.

Ойконим «Сталинград» как метафора предельной интенсивности конфронтации

Ойконим *Сталинград* в медиатекстах используется как символ крайней степени ожесточения. Семантическими признаками данной метафоры являются предельная интенсивность противостояния, экзистенциальная угроза, требующая мобилизации ресурсов, а также историческое значение момента, отсутствие возможности отступления. В статье «Guardian» «Lay off those war metaphors, world leaders. You could be the next casualty» (21.03.2020) противостояние стран во время пандемии Covid-2019 представлено как битва на поле боя (war metaphors, casualty, battlefield, wartime president, to join forces, invisible enemy, threat, damage, victim и т. п.): «*In this epic global confrontation — some even call it the third world war — symbolism matters. That’s why Japan and sporting bodies are desperate that the Tokyo Olympics do not succumb. The Games have become the Covid-19 Stalingrad equivalent. “Not a step back” is their borrowed, desperate motto*». Особый интерес представляет использование в тексте «Guardian» девиза «Not a step back» («Ни шагу назад»), который представляет собой прямую отсылку к советскому приказу № 227, изданному в разгар Сталинградской битвы. Эта интертекстуальная связь усиливает когнитивную силу метафоры: автор не просто называет Олимпийские игры «эквивалентом Сталинграда», но и имплицитно переносит на современную ситуацию весь комплекс смыслов, связанных с этим документом — от жесткой централизации управления до готовности жертвовать частным ради общего. Метафора *Сталинград* здесь выполняет легитимирующую функцию, то есть консолидирует аудиторию, оправдывает принимаемые меры, а также снимает ответственность с принимающих решения, так как их действия продиктованы беспрецедентными обстоятельствами.

Ойконим «Алеппо» как метафора разрушенного города

В англоязычном медиадискурсе ойконим *Алеппо* выступает как символ тотального разрушения города в результате боевых действий. Семантическими признаками данной метафоры являются: разрушение городской инфраструктуры, интенсивные авиаудары, гуманитарная катастрофа («*Ihor Terexkhov said Russia had switched tactics to try to destroy the city’s power supply and terrorise its 1.3 million residents by firing into residential*

areas, with people experiencing unscheduled power cuts for hours at a time» — Guardian, «Kharkiv at risk of becoming 'second Aleppo' without US aid, mayor says», 17.04.2024).

В 2012—2016 годах Алеппо стал эпицентром ожесточенных боевых действий, сопровождавшихся массированными авиаударами, осадой восточных районов города, разрушением исторического центра и гуманитарной катастрофой. В англоязычном медиадискурсе образ Алеппо закрепился как сценарий, при котором город превращается в руины, а мирное население становится заложником боевых действий. Эта историческая память позволяет использовать ойконим *Алеппо* как сжатый нарратив, передающий целый комплекс признаков: длительная осада, обстрелы жилых кварталов, массовый исход населения и международная реакция, характеризующаяся как запоздалая.

Метафора «Алеппо», с одной стороны, выполняет прогностическую функцию (моделирует негативный сценарий развития событий для других городов), а с другой, создает определенные ассоциации и образы (негативные) у аудитории, выполняя манипулятивную функцию.

Ойконим «Беслан» как метафора террористической катастрофы

В британских СМИ ойконим «Беслан» используется как символ экстремального террористического насилия, как результата политических решений. В статье «Guardian» «There will be **another Beslan**» (04.09.2004) проводится параллель между проблемой терроризма в Непале с одной стороны и США, России и Израиле с другой. Автор подчеркивает, что применение военной силы против терроризма не показало своей эффективности в Ираке, Чечне и Палестине: «As the drama of Beslan was entering its final hours, George Bush was bidding for re-election on the promise of security to the American people, a security premised on the willingness to use overwhelming military force. It was the same promise that Putin gave to the Russians and Ariel Sharon to the people of Israel. All three **have used violence freely in pursuit of electoral reward <...> None has produced the peace or security that was their justification; all have generated more violence and widened the circle of killing far beyond the formal engagement of armed men on both sides**». По мнению автора статьи, политические решения, принятые президентами, не привели к желаемому результату. Непал же может стать следующим Бесланом, если изберет похожую тактику: «The government has **responded with force, but there is no military solution in this war on terror, any**

more than in Iraq, Chechnya or Palestine. An outright victory by either side in Nepal could only come at appalling cost and would presage further suffering. If Nepal is to have a future, it must be a negotiated one — and one which addresses the Nepal's extremes of social injustice».

Семантическими признаками ойконима *Беслан* в данном и аналогичных контекстах выступают: террористическое насилие, направленное против мирного населения (в особенности детей), неэффективность силового подхода и политический шок.

Особый интерес представляет функциональная нагрузка данной метафоры. Метафора «Беслан» выполняет прогностическую функцию (негативный прогноз), а также критико-идеологическую функцию (символ морального провала политической системы).

Ойконим «Чернобыль» как метафора техногенной катастрофы

Ойконим «Чернобыль» используется для обозначения предельной техногенной угрозы, связанной с военными действиями. В медиадискурсе встречаются такие примеры, как «В России предупредили о риске **нового Чернобыля** из-за ударов по Ирану» (RTVI. 19.06.2025), «Ukraine warns of 'second Chernobyl' as Russian strikes threaten nuclear plants» (Daily Star. 19.01.2026) и др. В данных статьях *Чернобыль* выступает не просто как радиационная катастрофа, но как катастрофа, возникшая в результате военных действий и выходящая за пределы локальной войны. В применении данной метафоры в медиадискурсе прослеживаются **прогностическая** (моделирование катастрофического сценария, при котором военные действия приводят к техногенной катастрофе) и **манипулятивная функции** (аргумент против эскалации конфликта и/или инструмент привлечения международного внимания). Иными словами, метафора «Чернобыль» моделирует сценарий апокалиптической техногенной войны.

Ойконим «Хиросима» как метафора мгновенного массового уничтожения

Ойконим *Хиросима* в медиадискурсе обладает сходной с метафорой *Чернобыль*, но более радикальной семантикой. В медиатекстах фиксируются следующие примеры употребления: «Однако военный эксперт, историк войск ПВО Юрий Кнутов в беседе с NEWS.ru предположил, что Соединенные Штаты и Израиль действительно могли бы организовать ядерную атаку на Иран» (News.ru. Банда Эпштейна у красной кнопки: США готовят «новую Хиросиму» для Ирана. 16.03.2026); «Израиль намерен устроить в Газе подобие Хиросимы без ядерного

оружия» (News.ru. Херш обвинил Израиль в подготовке «новой Хиросимы». 18.10.2023) и т. п.

В последнем из приведенных примеров наблюдается семантическая трансформация: ойконим, исторически неразрывно связанный с ядерным взрывом, применяется для описания неядерной военной операции. Такое расширение семантического поля свидетельствует о высокой степени прецедентности ойконима.

Как и в случае с метафорой *Чернобыль*, мы также можем проследить использование метафоры *Хиросима* с целью негативного прогноза (мгновенное и тотальное разрушение) и/или манипуляции (создание образа врага, готового на беспрецедентное насилие).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование подтверждает, что прецедентные ойконимы в современном медиадискурсе перестают выполнять сугубо номинативную функцию и трансформируются в мощные когнитивные и идеологические инструменты. Анализ контекстов из русскоязычных и англоязычных СМИ показал, что названия рассмотренных городов и населенных пунктов функционируют как метафорические модели, позволяющие интерпретировать новые военные и политические конфликты через призму уже известных исторических травм.

Сравнительный анализ выявил существенные различия в функционировании прецедентных ойконимов в зависимости от национального медиадискурса. Наиболее показательным в этом отношении является ойконим *Буча*. Данный факт подтверждает тезис о том, что метафора является не только способом концептуализации реальности, но и ареной идеологической борьбы.

Функциональный анализ позволил выделить доминирующие роли прецедентных метафор в медиатекстах. Наиболее востребованными оказались прогностическая функция, а также манипулятивная функция, направленная на формирование общественного мнения путем апелляции к коллективной исторической памяти. В ряде случаев, как, например, с метафорой «Сталинград», на первый план выходит легитимирующая функция, оправдывающая беспрецедентность принимаемых мер через отсылку к историческому образцу предельной стойкости.

Таким образом, прецедентные ойконимы становятся универсальным языком описания современных конфликтов. Они превращают сложные геополитические процессы в сжатые и узнаваемые когнитивные схемы, что делает их эффективным, но при этом идеологически

логически нагруженным инструментом моделирования реальности в СМИ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Багаева, Д. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / Д. В. Багаева, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — Москва : Диалог-МГУ, 1997. — Вып. 1. — С. 82–103. — EDN UECILT.
- Будаев, Э. В. Прецедентные имена в СМИ: методики исследования / Э. В. Будаев // Политическая лингвистика. — 2021. — № 3 (87). — С. 22–36. — DOI 10.26170/1999-2629_2021_03_02. — EDN XUXUGK.
- Будаев, Э. В. Становление когнитивной теории метафоры / Э. В. Будаев // Лингвокультурология. — 2007. — № 1. — С. 19–35. — EDN PYCQCP.
- Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. — Москва : ИТДГК «Гнозис», 2003. — 288 с. — ISBN 5-94244-007-7.
- Добросклонская, Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации / Т. Г. Добросклонская // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. — 2006. — № 2. — С. 20–33. — EDN PUZPXL.
- Заботкина, В. И. Прецедентные метафоры как инструмент языковой манипуляции в англо-американском медиадискурсе: аксиологический аспект / В. И. Заботкина, М. Н. Коннова // Новый филологический вестник. — 2022. — № 3 (62). — С. 367–382. — DOI 10.54770/20729316-2022-3-367. — EDN IPKLSZ.
- Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Наука, 1987. — 363 с. — EDN PWFIXL.
- Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. — Москва : ИТДГК «Гнозис», 2003. — 375 с.
- Кубрякова, Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова ; Рос. академия наук, Ин-т языкознания. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 560 с. — ISBN 5-94457-174-8. — EDN SUQHIP.
- Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — Москва : УРСС, 2004. — 256 с. — ISBN 5-354-00222-2. — EDN QRAADX.
- Макормак, Э. Когнитивная теория метафоры / пер. с англ. А. Д. Шмелева // Теория метафоры : сборник / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — Москва : Прогресс, 1990. — С. 358–386.
- Нахимова, Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования : моногр. / Е. А. Нахимова ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011. — 276 с. — ISBN 978-5-7186-0459-7. — EDN QCNWZB.
- Слышкин, Г. Г. Лингвокультурный концепт и идеология / Г. Г. Слышкин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2005. — № 3(12). — С. 10–18. — EDN HSMGJH.
- Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 256 с. — ISBN 5-89349-897-6. — EDN SDQKXT.
- Dijk, T. A. van. Critical Discourse Analysis / T. A. van Dijk // The Handbook of Discourse Analysis / ed. by D. Tannen, H. E. Hamilton, and D. Schiffrin. — S.l. : Blackwell Publishers Ltd., 2015. — P. 466–485.
- Fauconnier, G. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities / G. Fauconnier, M. Turner. — New York : Basic Books, 2002. — 440 p. — ISBN 0-465-08785-X.

REFERENCES

- Bagaeva, D. V., Gudkov, D. B., Zakharenko, I. V., Krasnykh, V. V. (1997). Precedent name and precedent statement as symbols of precedent phenomena. *Language, Mind, Communication*, 1, 82–103. Moscow : Dialog-MGU. EDN UECILT.

2. Budaev, E. V. (2021). Precedentnye imena v SMI: metodiki issledovaniya = Precedent names in the media: research methods. *Political Linguistics*, 3(87), 22–36. EDN XUXUGK.
3. Budaev, E. V. (2007). Stanovlenie kognitivnoy teorii metafory = The formation of cognitive metaphor. *Cultural Linguistics*, 1, 19–35. EDN PYCQCP.
4. Gudkov, D. B. (2003). Teoriya i praktika mezhkul'turnoy kommunikacii = Theory and Practice of Intercultural Communication. Moscow: ITDGK «Gnozis», 288 p. ISBN 5-94244-007-7.
5. Dobrosklonskaya, T. G. (2006). Mediadiskurs kak ob'ekt lingvistiki i mezhkul'turnoy komunikatsii = Media discourse as an object of linguistics and intercultural communication. *Moscow University Bulletin, Series 10: Journalism*, 2, 20–33. EDN PUZPXL.
6. Zobotkina, V. I. (2022). Pretsedentnye metafory kak instrument yazykovoy manipulyatsii v anglo-amerikanskom mediadiskurse: aksiologicheskiy aspekt = Precedent metaphors as a means of linguistic manipulation in Anglo-American media discourse: the axiological aspect. *The New Philological Bulletin*, 3(62), 367–382. DOI 10.54770/20729316-2022-3-367. EDN IPKLSZ.
7. Karaulov, Y. N. (1987). Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' = Russian Language and Linguistic Personality. Moscow: Nauka, 363 p. EDN PWFIXL.
8. Krasnyh, V. V. (2003). «Svoj» sredi «chuzhih»: mif ili real'nost'? = “Ours” Among “Strangers”: Myth or Reality? Moscow: ITDGK “Gnozis”, 375 p.
9. Kubryakova, E. S. (2004). Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znanij o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoj točki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira = Language and Knowledge: Towards Gaining Knowledge about Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in Understanding the World. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 560 p. ISBN 5-94457-174-8.
10. Lakoff, G., Johnson, M. (2004). Metafory, kotorymi my zhivem = Metaphors We Live by. In translation. Edition by A. N. Baranov. Moscow: URSS, 256 p. ISBN 5-354-00222-2. EDN QRAADX.
11. Mac Cormac, E. (1990). Kognitivnaya teoriya metafory = A Cognitive Theory of Metaphor. In translation by A. D. Shmelev. *A Theory of Metaphor*, 358–386. Moscow: Progress, 512 p.
12. Nakhimova, E. A. (2011). Precedentnye onimy v sovremennoj rossijskoj massovoj kommunikacii: teoriya i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovaniya = Precedent Onims in Contemporary Russian Mass Communication: Theory and Methods of Cognitive-Discursive Research. Monograph. Ekaterinburg: UrGPU, 276 p. EDN QCNWZB.
13. Slyshkin, G. G. (2005). Lingvokul'turnyy kontsept i ideologiya = Linguocultural concept and ideology. *Herald of the Volgograd State Pedagogical University*, 3(12), 10–18. — EDN HSMGJH.
14. Chudinov, A. P. (2006). Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics. Moscow: Flinta: Nauka, 256 p. ISBN 5-89349-897-6. EDN SDQKXT.
15. Dijk, T. A. van. (2015). Critical Discourse Analysis. The Handbook of Discourse Analysis (Ed. by D. Tannen, H. E. Hamilton, and D. Schiffrin), 466–385. Blackwell Publishers Ltd.
16. Fauconnier, G., Turner, M. (2002). The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York: Basic Books, 440 p. ISBN 0-465-08785-X.